

Это ведь было первое изделие, созданное им в этом мире, поэтому он, само собой, переполнялся самыми горячими ожиданиями.

У Чанген ответил на его слова, развернул обертку из ткани на бамбуковых трубках и тщательно всё проверил — состав действительно застыл. Тогда он аккуратно расколол зелёные бамбуковые трубки одну за другой и бережно извлёк находившуюся внутри массу желтовато-коричневой мази.

Внешний вид вышел на славу: целиком гладкая, маслянистая и лучистая, а при ближайшем рассмотрении улавливался тонкий аромат восковой сливы.

После этого У Чанген нарезал цилиндрическое мыло на маленькие круглые кусочки, разложил их на бамбуковых циновках и оставил сушиться в тени, чтобы оно омылилось — только после этого мылом можно будет пользоваться.

— Вот половина дела уже сделана, — ободрил его Чжоу Цыцин, не теряя духа. К счастью, напитки продавались неплохо, и если удастся разработать еще парочку рецептов, то оставшиеся дни не покажутся слишком тяжелыми.

Но его снова настигли головокружение и тяжесть в голове, в глазах сильно рябило, и, едва сказав пару слов, он был вынужден лечь.

Позднее Чжоу Цыцин один за другим пил горькие отвары долгие дни подряд. И впрямь: болезнь приходит как гора рушится, а уходит как нить тянется.

Снег на улице постепенно прекратился, его не было уже несколько дней, но по-прежнему стоял жуткий холод, и от каждого выдоха клубился густой белый пар.

Чжоу Цыцин больше не кашлял — судя по всему, помогало укрепляющее питьё из женьшеня и птичьих гнёзд, да и У Чанген зорко следил за его питанием, не позволяя совершить ни малейшей оплошности, так что теперь он поправился просто отменно.

Посчитав, что после полудня на улице уже не так холодно, словно с живого человека кожу сдирают, как в предыдущие дни, он решил выйти размять руки и ноги, согреть затекшие суставы.

Развеемся снаружи было куда лучше, чем целыми днями томиться в доме, изнывая от тесноты и нехватки воздуха.

У Чанген рубил бамбук и собирал хворост во дворе, а Чжоу Цыцин подумал, что вряд ли уйдет далеко — просто обойдет деревню кругом и сразу вернется домой, ничего страшного случиться не должно, и зашагал к выходу.

Деревня была довольно оживленной, даже зимой многие выходили на работу, и издавидевшие его прохожие с любопытством уставились на него, вовсе не скрывая своего интереса.

Чжоу Цыцин в ответ улыбался и кивал каждому, сохраняя сдержанный и благожелательный вид.

Несколько сорванцов лет двенадцати-тридцати уставились на него с глуповатым видом, а заметив, что он кивнул и улыбнулся в ответ, машинально закивали вслед.

На этот раз Чжоу Цыцин улыбнулся так широко, что показались белые, словно жемчуг, зубы, и те мальчишки тут же покраснели и отвернулись.

Обычная деревенская жизнь: крики петухов, собачий лай, возня сопливой детвора — зима здесь оказалась не такой уж тягостной.

Чжоу Цыцин зашагал дальше и вдруг заметил на западной окраине деревни роскошную усадьбу.

Внимательно взглядевшись из-за ограды, он разглядел загнутые вверх крыши павильонов, искусственные холмы, деревья и крытые галереи.

Парадные ворота тоже выглядели внушительно: с искусно вырезанными узорами и золочёными шляпками гвоздей.

Пока Чжоу Цыцин сосредоточенно всматривался вовнутрь, оттуда внезапно выскользнула какая-то фигура — быстрая, как серая крыса, и в мгновение ока очутилась у раскидистого дерева хурмы.

Приглядевшись, он увидел изнеженного молодого господина в лунно-белой ватной куртке с вышивкой и жилете из серебристой белки. Красивые глаза, соболиные брови, стройная фигура — вот только в чертах лица читалась робость и неспособность вынести тяготы.

Следом за этим господином с непрерывными криками нёсся средних лет мужчина с палкой наперевес: меж бровей залегли три складки, на губах красовались ухоженные усы, а сам он пылал гневом, едва не выплевывая искры из глаз.

— Отец, отец, перестань бить! — при виде родителя молодой господин заговорил еще жалостнее и принялся кружить вокруг дерева хурмы.

Мужчина средних лет бросился в погоню.

Так отец и сын начали свою игру в догонялки, точь-в-точь как царь Цинь, бегающий вокруг

дерева хурмы.

Из распахнутых ворот выглянули слуги и старые челядинцы: им и останавливать было боязно, и стоять сложа руки нельзя, так что они лишь топали ногами от нетерпения. Какая-то стоявшая там пожилая служанка поспешно толкнула в бок расторопную девчонку: — Живо зови госпожу хозяйку, быстрее! Быстрее!

Мужчина средних лет взмахнул деревянной палкой, указывая на юного господина, и принялся распекать его на чём свет стоит: — Прибью тебя, паршивец этакий, дурнеюшка бестолковый, совсем без мозгов в котелке! Если бы эта штука у тебя на плечах не была сгрызена бродячими псами, ты бы сообразил перед таким делом хоть письмецо отправить нашему дяде при чинах, разве докатился бы ты до такого позора! Натворил дел, глупец! Сегодня я заставлю тебя запомнить этот урок на всю жизнь!

— Отец, с каких это пор ты стал выражаться так же грубо и вульгарно, как те деревенские мужики! — продолжал оправдываться юный господин. — Я ведь просто занимался торговлей, ты же знаешь, в делах всегда есть риски, как ты можешь всё сваливать на меня?

Услышав это, Чжоу Цыцин чуть не рассмеялся в голос.

Этот молодой господин то ли упрям донельзя, то ли и вправду глуп — в такой момент нужно у отца пощады просить, а он еще и масла в огонь подливает.

— Ах ты, негодный сын, непутёвый потомок, я сегодня прибью тебя! Да какой дурак ведет дела так расточительно, как ты? А ну-ка прижмите его ко мне! Если еще раз посмеешь сбежать — вылетишь из дома и больше никогда не верься на порог!

Глупый мальчишка замер на месте, позволив разъяренному отцу отвесить ему с десятков жестоких ударов.

— Ой-ой, отец! Отец, ты ведь всерьез решил меня до смерти забить, папа!

— И голос все еще громкий, видать, в ум тебя так и не вбил! Лучше бы я запер тебя тогда в школе зубрить книжки до посинения, по крайней мере не промотал бы пятьсот лянов... золота!

Чжоу Цыцин судорожно втянул воздух: неудивительно, что этот старый отец так взбесился — таких денег простому человеку при нынешней династии хватило бы, чтобы безбедно прожить всю жизнь, ни в чем не нуждаясь.

На пике гнева мужчина средних лет снова принялся лупить юного господина, отвесив ему еще с десятков ударов, пока тот, бледный и обессиленный, не рухнул на землю, еле переводя дыхание.

— Ой, сынок мой несчастный! — из ворот с громким плачем выбежала прекрасная женщина, спеша к ним так, что следовавшая за ней служанка едва поспевала. — Если хочешь прибить его, сначала убей меня!

Ее прекрасные глаза яростно сверкнули, и из глаз градом покатились слезы, непрерывно капая вниз.

Увидев красавицу-жену, мужчина чуть смягчился — на его лице промелькнуло сожаление, но он тут же принялся оправдываться: — Знаешь ли ты, сколько семейного достояния он спустил?! Пятисот лянов золота! Даже не расс толком толком, ввязался в какие-то торговые пересыльные дела, и все деньги пошли прахом! Брось их в пруд — и то хоть какой-то всплеск услышишь, а от него толку чуть! Сколько ни наживай добра в нашем доме, все этому негоднику мало!

<http://bllate.org/book/28079/3398144>